

Фонетическая интерпретация основы может быть связана с так называемым тюркским полногласием, которое в русских заимствованиях утрачивает последний компонент: 'ара'- > '-ар' (- *кара- > *кар-) [Субаева, 1963, 7]. В этом случае исходная тюркская форма – *карамак (кармак) > рус. кармак, этимология которой связана со словом караул. История сибирского караул, отмечает А. Е. Аникин, восходит к монг. хара 'видеть, смотреть, осматривать', ср. также русское заимствование карамчить 'хранить, беречь' [Аникин, 265], тюрм.-тат. караул 'сторож' [Тумашева, Насибуллина, 63]. Вероятно, в период первоначального освоения тюменско-тобольской территории караул и кармак как реалии приграничья были функционально различны, однако впоследствии, когда отпала необходимость в наличии специальных оборонительных пунктов, одно из слов в силу экстралингвистических причин было утрачено.

Таким образом, интерпретация ойконимов с основой кармак- может быть исторически связана с термином караул. Однако нельзя исключить и влияния, возможно, более позднего, географического термина кармак, учитывая контаминационные процессы в лексике говоров и в топонимии.

Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар: Материалы и исследования. Л., 1981.
Мордвинцева В. С. Типология простого предложения в тюменских памятниках деловой письменности XVII – начала XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005.

Муминов 1970 – Муминов М.Т. Русская топонимия субстратного происхождения в междуречье Тавды и Исети: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1970.

Субаева Р. Х. Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии Татарской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963.

Ю. А. Ланда
Екатеринбург

Образ зайца в русском и прибалтийско-финских языках

Известно, что с помощью языковых данных можно восстановить ментальный образ реалии, существующий в сознании носителей языка. Одним из способов упорядочения материала является составление языкового портрета, т. е. систематизация признаков объекта действительности, на которые обратили внимание носители того или иного языка и которые сыграли роль при номинации. Объект нашего исследования – номинации зайца в русском и прибалтийско-финских языках (например, рус. заяц, косой, фин. *jänis* 'заяц' и пр.), а также их дериваты и устойчивые сочетания, включающие обозначения животного (например, рус. заячья душа 'трусливый человек', диал. заяц 'хлопья снега', зайцы пиво варят 'о тумане', 'о выпавшем снеге'; вепс. *gänišankorvaized* <заячье ушко> 'ландыш', карел. *jänöin nahkal perze on paikattu* <заячьей шкурой зад залатан> 'трусливый' и пр.).

В русском и прибалтийско-финском образах зайца много сходного. Наблюдается повторяемость большого количества признаков: в обоих образах представле-

ны признаки светлого цвета, пушистости, округлой формы, трусости, подвижности и др. Однако есть и различия, которые связаны с местом признака в языковом портрете, со степенью разработки тех или иных признаков.

В русском языке, в отличие от прибалтийско-финских, очень широко представлены внешние характеристики животного: светлый цвет (27 % общего количества русских номинаций) и пушистость (17 %), ср. *зайчик* 'иней в углах избы', *зайцы баню топят* 'о тумане' и пр. Для носителя русского языка оказывается значимым общее впечатление от внешнего вида зайца: большое количество языковых фактов сочетают в себе такие номинативные признаки, как цвет, округлость, пушистость и отражают именно комплексное восприятие этого животного, опирающееся на его внешние характеристики, ср. *заяц* 'первый снег осенью', *зайчики* 'пена, белая пузырчатая масса на поверхности жидкости', 'небольшие белые облака', 'пучки белой шерсти, которые носились крестьянками как серьги' и др. В имеющемся прибалтийско-финском материале такой закономерности в образе зайца не просматривается. Вероятно, именно на базе указанного типа восприятия возникла положительная коннотация чего-то миленького, хорошенького, отмеченная для образа зайца в русском языке. Ср. ласковые обращения *зайка*, *зайнышка* или использование этих слов в предикативной функции в выражениях типа *они такие зайки*.

Русский язык демонстрирует также проработку отдельных деталей внешнего облика зайца. Наиболее отмеченными в языке оказались заячьи лапки (метафоры по внешнему виду составляют 10 % всех русских номинаций – при отсутствии этого признака в имеющемся прибалтийско-финском материале); отмечены также глаза (2 %) и короткий хвост (3 %).

Признак длинных ушей представлен как в русском (16 % номинаций), так и в прибалтийско-финских языках (11 %). Однако можно отметить разнообразие русских номинаций при пейоративном характере имеющихся прибалтийско-финских.

В прибалтийско-финских языках наиболее активно разработано представление о поведении животного: образ оформляется прежде всего за счет признаков трусости (27 % общего количества прибалтийско-финских номинаций) и подвижности (27 %). Ср.: эст. *jānespüks* <заячьи штаны> 'заячья душа', фин. *jänistää* 'струсить'; фин. *jänistää* 'удирать, давать тягу' и др. (Оба признака реализованы и в русском языке.)

При реализации общего для русского и прибалтийско-финских языков признака подвижности, присущего образу зайца, прослеживаются различные акценты. В прибалтийско-финских языках закреплено представление о том, что, убегая, заяц петляет. В русском языке, наряду с этой же характеристикой, отмечается еще и подвижность как таковая, без акцента именно на петлянии, ср. *скоромча* 'заяц', *ходить зайчиком* 'ходить быстро'. В русском языке подвижность зайца осмысливается и как его способность прыгать, ср. *прыдыш*, *попрыгун* 'заяц'.

Таким образом, можно говорить, что у русских присутствует некоторая «позитизация» образа зайца, отчасти эстетический подход к объекту (ср. акцент на внешних характеристиках). Для них в большой степени характерно также осмысление животного, в рамках обычных, бытовых, а не только «профессиональных», например охотничьих, представлений. Прибалтийско-финское языковое сознание демонстрирует более прагматичный взгляд, взгляд охотника: ср. акцент на реальных свойствах зайца как животного с определенными повадками, как объекта охоты.